

DOI: [10.14515/monitoring.2021.5.2004](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.2004)

О. Г. Исупова, Е. Ю. Рождественская, А. Е. Лагерева

КОВИДНЫЙ РЕСЕНТИМЕНТ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: РЕПЕРТУАР МОТИВИРОВАННЫХ СУЖДЕНИЙ

Правильная ссылка на статью:

Исупова О. Г., Рождественская Е. Ю., Лагерева А. Е. Ковидный ресентимент в социальных сетях: репертуар мотивированных суждений // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 374—398. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.2004>.

For citation:

Isupova O. G., Rozhdestvenskaya E. Y., Lagereva A. E. (2021) COVID Resentment in Social Media: A Repertoire of Motivated Judgments. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 374–398. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.2004>. (In Russ.)

КОВИДНЫЙ РЕСЕНТИМЕНТ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: РЕПЕРТУАР МОТИВИРОВАННЫХ СУЖДЕНИЙ

ИСУПОВА Ольга Генриховна — PhD, доцент, старший научный сотрудник, Институт демографии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: oisupova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4189-2063>

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Елена Юрьевна — доктор социологических наук, профессор факультета социальных наук, ведущий научный сотрудник МЛ ИСИ, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: erozhdestvenskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6874-2404>

ЛАГЕРЕВА Анна Евгеньевна — студентка бакалавриата, стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории лингвистической конфликтологии и современных коммуникативных практик, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: aelagereva@edu.hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4205-3322>

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена отрицания COVID-19 и сопротивления политике российского государства, связанной с противодействием распространению этого вируса. Отрицание рассматривается как мотивированное суждение, нагруженное эмоциями и согласованное с объяснительными идеями, а также как проявление институционального недоверия, форма социального

COVID RESENTMENT IN SOCIAL MEDIA: A REPERTOIRE OF MOTIVATED JUDGMENTS

Olga G. ISUPOVA¹ — PhD, Associate Professor, Senior Research Fellow at the Institute of Demography
E-MAIL: oisupova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4189-2063>

Elena Yu. ROZHDESTVENSKAYA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor at the Faculty of Social Sciences, Leading Researcher, International Laboratory for Social Integration Research
E-MAIL: erozhdestvenskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6874-2404>

Anna LAGEREVA¹ — Undergraduate student; Research fellow, Laboratory of Linguistic Conflict Resolution Studies and Contemporary Communicative Practices
E-MAIL: aelagereva@edu.hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4205-3322>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The paper studies the phenomena of COVID-19 denial and resistance to the policy of states associated with this disease. Denial is seen as a motivated judgment charged with emotions and consistent with explanatory ideas, as well as a manifestation of institutional distrust and a form of social resentment that echoes the 1990s. The study is based on a qualitative and quantitative analysis of the discussions in

ресентимента, имеющего эхо 1990-х годов. Исследование основано на количественно-качественном анализе текстов дискуссий в социальных сетях (два публика во «ВКонтакте»). Целью было выявление структуры взглядов отрицателей COVID-19, находящихся в оппозиции к политике государства по противодействию эпидемии, и контекстуализация этих взглядов. Статья состоит из описания явления ковид-диссидентства и ковид-скептицизма на основе публикаций и исследований других авторов, помещенных в представляющийся нам релевантным теоретический контекст; затем представлено развернутое обоснование и описание нашей методологии и результаты количественной и качественной части анализа данных.

Результаты исследования показали, что в ситуации критической неопределенности ковид-диссиденты интерпретируют случившееся как результат целенаправленных действий государства (или «мирового государства»), формируя причинно-следственные связи для поддержания внутренне последовательного понимания мира. Изучаемые сообщества уже с самого начала пандемии были готовы включить новую информацию в свою систему взглядов. Для них характерно восприятие распространения коронавируса в духе отрицания, сопротивления и борьбы. Концептуальный инструмент мотивированного рассуждения обнаружил репертуар обоснований, которые используют ковид-диссиденты: угрозы злонамеренных сил ослабить/уничтожить часть населения, поработить его с помощью вакцин, цифровизации, карантинных мер. Себе ковид-диссиденты приписывают позицию превосход-

social media (two publics in VKontakte). The aim of the study is to identify the structure of views of COVID deniers who are in opposition to the policies of states to counter the epidemic, and to contextualise these views. The paper describes the phenomenon of COVID dissidence and COVID skepticism based on publications and research by other authors, placed in a relevant theoretical context; then it provides a detailed rationale and description of the research methodology and presents the results of the quantitative and qualitative parts of the data analysis.

The study shows that in a situation of critical uncertainty, COVID dissidents interpret what happened as the result of deliberate actions of the state (or «world state»), forming causal relationships to maintain an internally consistent understanding of the world. From the very beginning of the pandemic, the communities regarded in the study were ready to incorporate new information into their frame of reference. Their members perceive the spread of the coronavirus in a spirit of denial, resistance, and struggle. The conceptual tool of motivated reasoning revealed a repertoire of rationales used by COVID dissidents: threats from malicious forces to weaken or destroy part of the population or to enslave it with vaccines, digitalization, and quarantine measures. The COVID dissidents attribute to themselves a position of superiority based on an understanding of the secret mechanisms of what is happening; to the secret forces they attribute enslaving intentions, and to the main population — passivity leading to degeneration. Rhetorical rationale resources include institutional, moral, religious, human rights, demographic, digitalization,

ства на основе понимания тайных механизмов происходящего, тайным силам — поработительные намерения, основному населению — пассивность, ведущую к вырождению. Риторические ресурсы обоснований включают институциональные, моральные, религиозные, правозащитные, демографические, информационно-цифровые, и квазимедицинские аргументы. Эмоциональная согласованность связана с мобилизирующими эмоциями тревоги, страха, угроз, унижения, недоверия, возмущения и сдержанной агрессии. Позиция исследуемых связана с ощущением несправедливости в распределении прав и обязанностей между государством и гражданами, слома социального контракта.

Ключевые слова: пандемия, ковид-диссиденты, эмоциональная согласованность, социальный контракт, вакцинация, масочный режим

and quasi-medical arguments. Emotional coherence is associated with mobilizing emotions of anxiety, fear, threats, humiliation, distrust, resentment, and restrained aggression. The position of the respondents is associated with a feeling of injustice in the distribution of rights and obligations between the state and citizens due to the breakdown of the social contract.

Keywords: pandemic, covid dissidents, emotional coherence, social contract, vaccination, face mask requirements

Введение

Наступление пандемия COVID-19 простимулировало исследовательское сопровождение этого процесса. Опросы общественного мнения, онлайн-опросы социологов, дневники затронутых пандемией либо испытавших ограничения образа жизни и мобильности — далеко не полный список самообследования общества, взбудораженного уникальным опытом. Наряду с официальными рекомендациями население подвергается воздействию псевдонаучной информации и непроверенного контента о COVID-19, быстро распространяющегося через социальные сети [Deroux et al., 2020; Kouzy et al., 2020; Mian, Khan, 2020; Zarocostas, 2020]. Фактически мы не просто боремся с эпидемией, мы боремся с инфодемией. Опыт пандемии мобилизовал самые разные виды реакции вплоть до ее отрицания. Например, в недавних российских социально-психологических исследованиях на основе онлайн-опросов ученые обнаружили связь конспирологических убеждений с верой в справедливый мир, низкой самоофективностью, ориентацией на моральные основания лояльности к своей группе и уважение к авторитетам, низким институциональным доверием и социальным цинизмом¹ [Нестик, Дейнека,

¹ Под социальным цинизмом понимается недоверие и сопротивление институционально поддерживаемым ценностям и нормам.

Максименко, 2020: 98]. Динамика пандемии (от марта-апреля 2020 г. до мая-июня 2021 г.) привела к усилению веры пользователей социальных сетей в конспирологические теории ее происхождения, недоверия к системе здравоохранения и скептического отношения к вакцинации. Парадоксальным образом вовлеченность в сетевые коммуникации стимулирует тревогу в отношении последствий пандемии и усиливает спрос на конспирологические объяснения. Профиль сетевых конспирологов таков, что они склонны получать информацию из социальных сетей, меньше доверяют правительству, отечественной медицине и согражданам, а также меньше уверены в возможности справиться с пандемией собственными силами [там же: 99]. Тревожность, кризис доверия, вера вместо рациональной позиции заведомо помещают предмет — отрицание COVID-19 — в фокус междисциплинарных исследовательских работ. Инфодемия привлекла внимание к силе иррациональных убеждений, с которыми столкнулись во многих странах с пандемическим опытом. Если понимать под иррациональными взгляды, которые не имеют прочной доказательной базы или противоречат принципам нормативной рациональности, то их воплощением в данном случае будет целый спектр сюжетов, например, чипирование вакциной, паранормальные интервенции или глобальный заговор QAnon. С точки зрения предъявляемой формы иррациональные убеждения конфронтируют с рациональным мышлением, будучи «эпистемически подозрительными» [Rizeq, Flora, Toplak, 2020; Pennycook et al., 2012; Pennycook, Fugelsang, Koehler, 2015]. Обнаружено, что поведение в отношении здоровья и связанных с COVID-19 рисков имеет сильную связь с наличием иррациональных убеждений [Teovanović et al., 2020]. Вера в теории заговора относительно COVID-19 фиксируется упомянутыми выше авторами как наиболее последовательный предиктор «отрицающего» типа поведения в отношении здоровья.

Кроме того, пандемия COVID-19 может рассматриваться как крупнейший естественный квазиэксперимент с ограничением мобильности и простимулированной виртуализацией как труда, так и повседневности. Локдауны и удаленный режим труда усилили внедрение интернета в нашу жизнь. Во многих странах мира потребление цифровых СМИ, такое как виртуальное присутствие в социальных сетях, увеличилось на 65%—75% (см. об этом, например, в Испании [Casero-Ripolles, 2020] или Индии²). При увеличении охвата аудиторий усиливается и отрицание масштабов пандемии, вовлечение в конспирологические теории или даже прямая дезинформация о COVID-19³. И хотя на сегодняшний день тренд отрицания COVID-19 и дезинформации в отношении пандемии исследуется довольно широко (см., например, работы [Casero-Ripolles, 2020; Cinelli et al., 2020; Laato et al., 2020; Pennycook et al., 2020; Rovetta, Bhagavathula, 2020]), существенно важный аспект этой темы — ее формирование и дискурсивизация в социальных сетях — пока изучен недостаточно. На платформах каких национальных пабликов, с какой историей, с какой давностью пользователи социальных сетей производят смыслы

² Statista Research Department. COVID-19 Impact on Media Consumption in India 2020 by Type of Media // Statista.com. 2021. March 19. URL: <https://www.statista.com/statistics/1113485/india-coronavirus-impact-on-media-consumption-by-media-type/> (дата обращения: 21.09.2021).

³ Coleman A. «Hundreds Dead» Because of Covid-19 Misinformation // BBC. 2020. August 12. URL: <https://www.bbc.com/news/world-53755067> (дата обращения: 21.09.2021).

и формируют реакции, обсуждая различные варианты конспирологических теорий, делая перепосты фейков, агрегируя дезинформацию с ковид-релевантными сюжетами? В чем состоит специфика восприятия россиянами COVID-19? Каковы стратегии россиян при скептическом отношении к информации об этом заболевании и при выборе ковид-диссидентства?

На наш взгляд, отрицание COVID-19 связано с низкой социальной регуляторикой — необязательностью выполнения правил и договоренностей, социальных контрактов.

Пандемия непротиворечиво вписалась в культуру размытых взаимных социальных обязательств: поскольку новой коронавирусной инфекцией болеет лишь часть людей, остальным может казаться, что самое правильное — продолжать жить как раньше. Однако меры государства по борьбе с пандемией — от локдауна до прививок — нарушили это равновесие. В данном случае государство пытается добиться, чтобы все граждане вели себя определенным образом. В результате сопротивление запретительным мерам оказалось заметным, а по антипрививочной реакции населения Россия оказалась мировым лидером [Solís Arce et al., 2021].

В такой ситуации обоснованным представляется привлечение фоновой связи с социальной контракцией. Чтобы понять, как именно формируется позиция радикальных ковид-диссидентов, мы намерены реконструировать способы обоснования суждений об отрицании COVID-19, вреде вакцин и отказе от ношения масок. Мы разделяем представление некоторых авторов о неоднородности групп ковид-диссидентов, варьирующих от радикальных до умеренных, или ковид-диссидентов и ковид-скептиков [Кирзюк, 2021]. Разделение между двумя группами проходит там, где люди перестают сомневаться в безусловности своего мнения и начинают считать, что они верно и однозначно понимают «настоящие» причины происходящих событий, в данном случае — всего, что связано с пандемией COVID-19 (при этом что официальной информации о пандемии не доверяют как умеренные, так и радикальные «отрицатели»).

Наше исследование сосредоточено в основном на изучении радикальной группы и сфокусировано на анализе комментариев пользователей — ковид-отрицателей, или ковид-диссидентов, — в социальных сетях относительно пандемии коронавируса. Структура статьи следующая: в начале рассмотрим релевантные концепции на основе исследовательской литературы, в разделе по методологии подробно осветим способы сбора данных из социальных сетей и их анализ. Далее мы представим основные результаты и дискуссию относительно их интерпретации. В заключении подведем итоги и поразмышляем о перспективах дальнейшей работы с данными.

Первый концептуальный фокус: от ошибочного суждения к отрицанию и дезинформации

Мотивированное рассуждение как фактор искажения

Используя модель объяснения на основе контролируемой причинно-следственной связи, ученые приходят к выводам, основанным на имеющихся аргументах и доказательствах. Но как объяснить то, что ученые, эксперты, политики, особенно популистского толка, обычные люди иногда приходят к выводам,

противоположным поддержанным доказательной наукой? Может показаться, что в этих случаях людям просто не хватает некоторой информации, что достаточно привести доказательства, чтобы они пришли к другому выводу, к наиболее правдоподобным объяснениям или гипотезе. Другое предположение состоит в том, что, отвергая научную экспертизу, люди прибегают ко лжи, зная правильный ответ, но отказываясь признавать это из-за личных или политических целей [Oreskes, Conway, 2011]. Пожалуй, самый социально-психологически интересный случай касается тех, кто может быть знаком с большей частью данных и объяснений на их основе, а также альтернативными гипотезами, но искренне верит в обычные идеи и теории, противоречащие доказательствам и экспертному знанию. Психологи-когнитивисты выделяют около пятидесяти моделей мышления, которые могут привести к ошибочным суждениям [Nisbett, 2016; Thagard, 2021]. Если философы оперируют заблуждениями, а когнитивные психологи обсуждают предубеждения, то мы как социологи ориентированы на системные паттерны, основанные на предыдущем социальном опыте людей и их интерпретациях этого опыта, о чем речь пойдет ниже.

Когнитивные искажения могут способствовать отрицанию подтверждаемых доказательствами причинно-следственных суждений, например о COVID-19, публикуемых в авторитетном журнале *The Lancet*. По мнению когнитивиста П. Тагарда, наиболее важный фактор искажений — то, что психологи называют мотивированным выводом или мотивированным рассуждением [Thagard, 2021]. Это понятие основано на работах социального психолога Зивы Кунда, автора влиятельного труда о мотивированном рассуждении [Kunda, 2000]. На основе своих экспериментов она утверждала, что индивиды склонны оценивать причинные теории, основываясь не только на доказательствах, но и на личных предпочтениях. Мотивированное рассуждение — это нечто большее, чем стремление выдавать желаемое за действительное, это поиск доказательств и аргументов, которые подтверждают то, во что индивиды хотят верить. Например, желание пойти в ресторан или на футбол в пору чемпионата связано с мотивацией личной свободы в ущерб общественной безопасности и может создавать иллюзию личного контроля над ситуацией, несмотря на экспертные знания об опасном сочетании высокой степени вероятности заражения коронавирусом с высоким риском летального исхода.

Вероятный механизм формирования мотивированного рассуждения, по мнению П. Тагарда, состоит в том, что оценка людьми причинно-следственных гипотез зависит от эмоциональной согласованности личных целей и имеющихся доказательств [Thagard, 2021]. Построение рациональных выводов относительно причин возникновения и распространения COVID-19 путем оценки гипотез на основе доказательств искажается эмоциональной согласованностью, позволяя личным целям участвовать в процессе [Thagard, 2018, 2019]. У целей есть эмоциональная валентность, которая выражается в позитивном или негативном отношении к способам их удовлетворения. Например, цели развлечься и утвердить свою свободу имеют положительную (желаемую) валентность, они связаны с такими эмоциями, как счастье и радость. Перспективы остаться дома и заболеть имеют отрицательную (нежелательную) валентность, они связаны с такими эмоциями,

как грусть и страх. Эти эмоционально окрашенные цели важны для принятия решений, но не должны влиять на суждения о том, что является истиной. Теория эмоциональной согласованности допускает существенные ограничения, накладываемые на причинно-следственные связи и гипотезы при принятии решений. Если цели индивида достигнуты (сходил в ресторан и не заболел), то эмоции добавляют к ограничениям, используемым в объяснительной согласованности, набор положительных ограничений, а при условии недостигнутых целей (тест на коронавирус в итоге положителен) — отрицательные ограничения.

Объяснение иррациональных представлений о распространении COVID-19 с помощью мотивированных суждений и эмоциональной согласованности междисциплинарно. В него вовлечены социальная психология, когнитивистика, но также и социологические идеи о социальной нормативности и согласованности, о социальных механизмах, с помощью которых идеи и ценности овладевают сознанием и претворяются в практику. Язык и дискурс — важная часть такого механизма, поэтому требуется внимание к тому, как индивиды используют синтаксис, семантику и прагматику для обмена информацией. Это релевантно и для виртуального асинхронного взаимодействия, исключающего физическое присутствие, как, например, в социальных сетях.

Преднамеренность и непреднамеренность заблуждений, дезинформация и социальные сети

Л. Флориди [Floridi, 2010] утверждал, что информация должна иметь как значимость, так и истинность: если одно условие нарушается, то информация перестает быть информацией, переходя в разряд или заблуждения, или дезинформации. Напротив, Дж. Фетцер полагал, что информация не имеет ничего общего с правдивостью, мы регулярно сталкиваемся с большим количеством непроверенной информации [Fetzer, 2004]. С позиции дискурса знаний верная информация добавляет новые знания [Floridi, 2010]. Ряд авторов [Cooke, 2017; Quandt et al., 2019; Fallis, 2015] все же рассматривали дезинформацию как разновидность информации. Итак, дезинформацию можно рассматривать:

- 1) как часть информации, но недостоверную и вводящую (непреднамеренно или преднамеренно) в заблуждение;
- 2) как ложную сфабрикованную информацию;
- 3) как правдивую или неправдивую в зависимости от контекста.

Последний пункт концептуализирует дезинформацию как «вводящую в заблуждение информацию, которая создается и распространяется независимо от того, есть ли намерение обмануть» [Treen, Williams, O'Neill, 2020: 4], и независимо от того, правда это или ложь.

Феномен инфодемии подразумевает не только присутствие проверенной информации, но также искаженной информации и ненадежный ее отбор в контексте коммуникации в социальных сетях. Например, дезинформация в интернете об употреблении метанола как лекарства от COVID-19 привела к ослеплению шестидесяти человек, а 5876 человек пришлось госпитализировать⁴. Пользователи социальных

⁴ Coleman A. «Hundreds Dead» Because of Covid-19 Misinformation // BBC. 2020. August 12. URL: <https://www.bbc.com/news/world-53755067> (дата обращения: 21.09.2021).

сетей оценивают достоверность информации на основе доверия к ее источнику, поддержке и к тому, кто еще из значимых для них персон делится такой информацией или доверяет ей [Flintham et al., 2018]. Исследования показали, что источники могут быть менее важны, чем сами участники обмена информацией и мотивация пользователей⁵. Есть типология пользователей социальных сетей, состоящая из трех групп: 1) настроенные критически, 2) настроенные не критически и 3) посредники [Geeng, Yee, Roesner, 2020]. Пользователи взаимодействуют с дезинформацией различными способами: пропускают или игнорируют ее, принимают дезинформацию как ценную для себя, распространяют ее, скептически относятся к ней, скептически относятся к ее контексту, неверно истолковывают дезинформацию [там же: 5—7].

Рассмотрение приведенных исследовательских взглядов привело нас к тому, что при анализе ковид-отрицающих пабликов в социальных сетях, единицей которого выступает пост и комментарии к нему, мы сосредоточиваемся на концепте мотивированного рассуждения или вывода, рассматриваем тезис вместе с рационализацией или легитимацией позиции, а также присутствие эмоций, операционализирующихся в комментирующем посте в сетях.

Укорененность ковид-отрицания в российском контексте

Глобальность феномена сопротивления тревогам, рискам и ограничениям в связи с пандемией привела к укоренению ковид-диссидентства и в России. За ним стоят различные взгляды: конспирологические теории и заговоры; пренебрежение рисками («коронавирус не страшнее гриппа», «коронабесие»); позиция, согласно которой больные коронавирусом умирают не от него; отказ от сопротивления («защищаться бесполезно, все равно заболеешь»); убеждения о возрастной избирательности COVID-19 («вирус опасен только для пожилых»). Летом 2021 г. в журнале *Nature* было опубликовано сравнительное исследование, сопоставляющее масштабы сопротивления вакцинации в разных странах мира, включая Россию и США [Solís Arce et al., 2021]. Оказалось, что лишь около 20% российских женщин и примерно 38% российских мужчин готовы вакцинироваться, в США согласны на эту процедуру около 70% населения, в остальных изученных странах Азии, Африки и Латинской Америки доля желающих вакцинироваться еще выше [ibid.: 1389]. Наиболее частыми причинами отказа вакцинироваться в России оказались опасения относительно побочных явлений и сомнения в эффективности вакцины, конспирологические объяснения приводятся не чаще, чем в других странах, а различия в уровне образования между принимающими и отвергающими вакцину для России оказались незначимыми [там же]. Лидирующие позиции нашей страны в мире по вакциноскептицизму могут объясняться не только недоверием вакцине «Спутник V» (с точки зрения многих комментаторов, ее клинические испытания проходили с нарушениями), но и в целом низким уровнем доверия граждан всем российским социальным институтам⁶, в том числе медицине и фармпроизводству — раз наш социаль-

⁵ Marwick A., Lewis R. Media Manipulation and Disinformation Online // Data & Society. 2017. May 15. URL: <https://datasociety.net/library/media-manipulation-and-disinfo-online/> (дата обращения: 21.09.2021).

⁶ Низкий уровень доверия граждан социальным институтам называют важным фактором в контексте пандемии и другие исследователи (см., например, [Тартаковская, 2021]).

ный контракт характеризуется тем, что никто не соблюдает правила полностью, не стоит этого ожидать и от ученых и производителей вакцины. Россияне часто не готовы прививаться любыми вакцинами. Свет на причины этого проливают два важных российских исследования 2021 г. Одно из них, наиболее близкое нашему по своему фокусу, посвящено сопоставлению умеренных и радикальных ковид-диссидентов [Кирзюк, 2021]. В этой работе показано, что для умеренных «отрицателей» характерна в целом скептическая позиция по отношению к любому знанию, мнение, что все надо проверять и перепроверять, формировать свою собственную позицию. Автор демонстрирует, как личный опыт и некоторые предшествующие убеждения умеренных «отрицателей» формируют (что соответствует теории эмоциональной согласованности рассуждений) оппозиционную к мерам противодействия пандемии позицию, а иногда и сомнения в существовании заболевания как такового, его декларируемой экспертами природе и степени опасности. Здесь может иметь значение и «усталость сострадать», отмеченная Е. Богомяковой и Е. Поповой, — представления и настроения, согласно которым «сильные» не должны слишком многим жертвовать ради слабых членов общества, в случае COVID-19 — ради стариков, для которых эта болезнь смертельно опасна, в то время как остальные «наверняка» переболеют легко [Богомякова, Попова, 2021]. Важно отметить, что очень похожие когнитивные процессы в российском контексте происходят и у тех, кто не отрицает опасность заболевания и согласен с необходимостью строгих мер в связи с ним [Тартаковская, 2021]. Поскольку эти люди живут в том же обществе с низким уровнем доверия институтам, они стремятся проверять любые экспертные оценки и ответственно формировать собственные представления. Обе группы не считают, что достигли обладания абсолютной истиной и готовы воспринять новую информацию, которая может изменить их позицию. Почему же они приходят к настолько различным выводам? С нашей точки зрения, возможно, эмоциональная согласованность рассуждений присутствует в обоих случаях, но те, кто не отрицает COVID-19, в большей степени полагаются на доказательную эмпирическую науку. Как бы то ни было, радикальные ковид-диссиденты отличаются от обеих групп уверенностью в том, что они знают «настоящую правду», и эта правда уже была им известна еще до распространения нового заболевания. Новое знание помещается ими «в ячейки» существующей системы интерпретации мира (это могут быть религиозные представления [там же], альтернативно-медицинские взгляды в духе нью-эйдж, ощущения опасности цифрового порабощения и т. д. [Кирзюк, 2021; Тартаковская, 2021]).

Количественное представление о динамике и масштабах отрицания COVID-19 в стране и социальном профиле ковид-диссидентов дают опросы общественного мнения. По данным Фонда «Общественное мнение» (ФОМ)⁷, наиболее радикально настроенных людей, уверенных, что коронавируса не существует, в июле 2020 г. в России было 12%. В сентябре 2020 г. опрос НИУ ВШЭ показал, что в Москве коронаскептиков (тех, кто считает, что опасность коронавируса преувеличена или отрицает наличие эпидемии) было 34,7%, а в среднем по России — 43,4%⁸.

⁷ Подробнее см. Проект коронаФОМ. URL: <https://covid19.fom.ru/> (дата обращения: 21.09.2021).

⁸ Нам с ним жить: россияне смирились с тем, что коронавирус никуда не исчезнет // НИУ ВШЭ. Новости. 2020. 11 сентября. URL: <https://www.hse.ru/news/398120110.html> (дата обращения: 21.09.2021).

По данным ФОМ, чаще других отрицают существование коронавирусной инфекции 31—45-летние (18%) и неработающие граждане (19%)⁹. Материальные затруднения и ограничения в мобильности могли простимулировать диссидентские взгляды в качестве реакции на меры, воспринимавшиеся как избыточные. 18% «отрицателей» имеют высшее образование, 45% описывают свое материальное положение как плохое и очень плохое, 34% живут на селе¹⁰. Ковид-отрицатели чаще имеют проблемы с занятостью и материальной обеспеченностью, находясь в экономически активном возрасте. Специфика этого социального профиля и тематический репертуар сетевых пабликов, описываемый в эмпирической части статьи, вынуждают привлечь к междисциплинарному анализу ковид-диссидентства еще один концептуальный подход, связанный с совокупными процессами социального неравенства и накопленным опытом постсоветского транзита.

Второй концептуальный фокус: социальная контракция

Концептуальную позицию, согласно которой общество, социальные связи, институты и социальные группы внутри него функционируют в результате целой системы формальных и неформальных договоренностей между социальными акторами и государством, можно назвать теоретическим подходом социального контракта (он основан на теории общественного договора).

Рост социального неравенства в России в перестроечное и постперестроечное время можно увязать с нарушенными базовыми принципами прежнего советского общественного договора¹¹, суть которого заключалась в обеспечении среднего уровня доходов и безопасности при общем бесплатном доступе к образованию и медицине. Согласно Дж. Ролзу, предмет общественного договора составляют два моральных принципа справедливости [Ролз, 1995: 217, 227]. Первый дает обоснование политическим свободам и равенству в распределении основных прав и обязанностей (у каждого есть право на свободу, совместимую со свободой других). Второй нацеливает на наибольшее благо для большинства: экономическое и социальное неравенства справедливы только тогда, когда несут общую пользу и компенсируют потери наиболее незащищенным членам общества. Это принцип *maximum minimumum*, согласно которому допустимо не любое неравенство, а только такое, которое максимизирует минимум. Критерием максимизации становятся позиции наиболее слабых [там же: 93—94]. Именно этот пункт теории общественного договора в контексте транзита от советского социального контракта к постсоветским вариациям кажется нам особенно релевантным для

⁹ Подробнее см. Проект коронаФОМ. URL: <https://covid19.fom.ru/> (дата обращения: 21.09.2021).

¹⁰ Там же.

¹¹ Самая очевидная оптика рассмотрения системы социальных контрактов относительно стабильно функционирующего общества — дискурс по поводу распределения благ, существующее артикулированное соглашение о распределении и обмене благами. В самом общем виде можно говорить о государственном контракте как социальном обмене безопасностью на лояльность. Иными словами, государство предоставляет набор благ, включающих безопасность, взамен требуя от граждан политической лояльности и выполнения определенных социальных функций. Очевидно, что у социальных групп будут складываться различные социальные контракты с одним и тем же государством. Но также очевидно, что нарушение или разбалансирование социальных контрактов, происхождение которых имеет институциональную природу, провоцирует кризис социальных институтов. Эпохи социальных перемен или слома социальных порядков ставят под сомнение системы функционирующих контрактов, девальвируют их, а также вызывают к жизни новые социальные контракты.

категории ковид-отрицателей. Сложился обширный пласт научной литературы¹² по социальной контрактации, которую мы привлекаем избирательно при уточнении концептуальной рамки нашего исследования для фокусировки на теме последствий пандемии. Узкое горло десятилетия 1990-х свернуло широкий набор жизненных стратегий граждан до самого существенного, фактически актуализировав формат выживания. В этом контексте уместно говорить о власти и населении как контрагентах. Предварительный анализ текстов релевантных пабликов показал, что чувство нарушенной справедливости из-за изменившегося без уведомления обеих сторон социального контракта в 1990-е годы у некоторых групп населения оказалось настолько сильным, что до сих пор транслируется в новые поколения в «невыигравших» от общественных изменений слоях. В пабликах постоянно повторяются призывы к отказу от гражданства России в пользу гражданства СССР, который, с точки зрения участников, никуда не исчезал, а также предложения не платить за ЖКХ, поскольку все ресурсы страны, в том числе вода и электричество, принадлежат народу, следовательно, требовать деньги за них в любой форме неправомерно.

Вероятно, что в этих слоях населения, занимающих наиболее невыигрышную позицию в структуре социальной системы и призывающих в качестве сопротивления ей не играть по ее правилам (поскольку выгодоприобретателем от такого сотрудничества точно будет кто-то другой), как раз и распространились идеи, что коронавирус и связанная с ним политика — это еще одно проявление заговора власти против народа, более того, решающая стадия в этой «большой игре». Логичным в такой системе взглядов становится недоверие и стремление сопротивляться как навязываемому знанию, так и требующимся новым правилам поведения. Ожидаемым становится поиск врага, ответственного за ограничения, и чаще всего он оказывается не в стране, а за ее пределами. Как пишет Л. Гудков, в тревожной и неясной ситуации общих страхов и унижения начинают оживать архаические интегративные механизмы, заставляющие людей сильнее, чем обычно, чувствовать свою близость, солидарность перед лицом реальных или мнимых коллективных опасностей [Гудков, 2005: 10].

Методология и дизайн исследования

В качестве объекта(ов) нашего исследования выступают онлайн-дискуссии в социальных сетях как пространство презентации взглядов тех, кто причисляет себя к ковид-диссидентам, отрицающим пандемию / меры по противодействию ей по множеству аргументов/обоснований.

Контур этих объектов — сообщества, направленность которых варьирует (сообщества взаимопомощи или здравого смысла), в наиболее популярных социальных сетях (Facebook, «Одноклассники», «ВКонтакте»).

Узкий предмет нашего исследования — аргументированное эмоционально согласованное высказывание об отрицании ковид-угрозы, которое содержит выдвигаемое объяснение в виде законченного (рас)суждения. Здесь фокус лежит

¹² См. работы: И. Е. Дискина, А. С. Кузьмина, Н. Дж. Мелвина и В. Д. Нечаева, М. В. Курбатовой, С. Н. Левина, А. М. Лаврова, Дж. Литвака и Д. Сазерлэнда, Н. Ю. Лапиной и А. Е. Чириковой, Р. М. Нуреева, А. Н. Олейника, С. П. Перегудова, В. В. Радаева, С. М. Рогова, Т. Ю. Сидориной и др.

на риторике отрицания, ссылочном аппарате, реферирующем к конспирологическим теориям, здравому смыслу, собственному опыту, структурам аффекта, которые переводят иррациональный страх отрицания в аргументированные социально означенные эмоции.

Расширенный предмет — феномен отрицания ковид-угрозы — заключен в связях такого высказывания с более широким временным диапазоном, в котором развивается социальное недоверие. Предварительный анализ сообществ с тематикой ковид-диссидентства показал, что смысловое облако, подпитывающее дискуссию в этих сообществах, содержательно связано с ресентиментом. Далекое эхо эпохи 1990-х годов, времени российского социально-экономического транзита, с очевидностью имеет дальние последствия: слом социалистической системы как общественного договора между гражданами и патерналистским государством сказался на ресурсах и возможностях приспособляющихся граждан уже новой страны. Приспособиться удалось далеко не всем. Неудивительно, что обнаруженный опросами профиль сегодняшнего ковид-диссидента — как имеющего проблемы с занятостью и материальной обеспеченностью — по поколенческой страте и социальным характеристикам во многом совпадает с теми, кто в социальном проигрыше.

Поэтому наш исследовательский вопрос заключается в том, каков тематический репертуар аргументированного и эмоционально заряженного ковид-отрицания в связи с содержательным фоном дискуссий в сообществах, породивших обсуждение и обоснование ковид-диссидентства.

Специфика сообществ сети «ВКонтакте» состоит в том, что здесь основной платформой для обсуждения оказываются паблики и их подразделы (комментарии и обсуждения). Реплики имеют скорее не индивидуализированный характер (как, например, в Facebook), а поддерживающий и развивающий первое высказывание-пост.

Мы выбрали крупнейшее сообщество «Ты и есть сопротивление»¹³, поскольку это один из наиболее массовых пабликов (а мы приняли решение изучать самые «населенные» сетевые сообщества), содержательно связанных с феноменом ковид-диссидентства. Предварительный количественный анализ показал, что ключевые слова (коронавирус, пандемия, маска и т.д.), связанные с пандемией COVID-19, встречаются здесь с наибольшей частотой. Это массовый многопрофильный паблик, собирающий людей, равнодушных к происходящему в обществе. Своей главной миссией создатели паблика считают «донести до людей информацию, которая может помочь вырваться из прежних стереотипов мышления и тем самым пробудить дремлющие уголки подсознания и вывести человека на новый уровень мышления и понимания окружающей действительности»¹⁴. Одной из тем, которые могут этому способствовать, для участников сообщества оказалось отрицание COVID-19. Помимо нее в паблике развиваются темы национализма, превосходства славян, желания вернуться к истокам, к прошлым формам устройства государства (к СССР) с его основными атрибутами (централизация распределения общественного блага, возвращение графы «национальность» и т.д.).

¹³ Подробнее см. URL: <https://vk.com/pravduru> (дата обращения: 21.09.2021).

¹⁴ Там же.

После выбора паблика с помощью доступного парсинг-сервиса один из авторов статьи определил, в каких еще сообществах наиболее часто состоят его участники. Это оказались националистические и эзотерические/конспирологические паблики, при этом больше всего пересечений «членства» — 15,82 % совпадений — обнаружилось с пабликом QAnon¹⁵. QAnon тоже можно охарактеризовать как мировоззренческое сообщество, где призывают к пробуждению сознания и борьбе с манипуляциями.

Далее из всех пабликов с пересекающимся членством мы отобрали те, в которых тема COVID-19 встречается наиболее часто. Их спецификой оказалась заинтересованность в теориях заговора, отрицание новостей из официальных СМИ и обсуждение альтернативных версий происходящего.

В Facebook тоже много людей с альтернативными взглядами на COVID-19. Однако в отличие от «ВКонтакте» политика Facebook не допускает существование открытых сообществ, связанных с ковид-диссидентством¹⁶. Здесь была найдена лишь одна группа, имеющая отношение к отрицанию ковида¹⁷. Наиболее популярным в Facebook оказалось распространение информации с помощью хештегов, таких как #ковид, #ковидобесие, #фейкпандемия, #стопкарантин, #коронабесие, #коронашиза, #ковидиотизм, #StopFakeNews, #stopfakelandemic, #covid1984, #stayhuman, #ПравоНаВыбор, #ПравоНаОтказ, #РазвеТыРаб, #маски, #Пандемия, #Коронавирус, #Ничегокромекоронавируса, #Эпидемиологи, #маскистоп, #мынерабы, #протест, #барановирус, #ложьсми, #геноцид, #ковидгеноцид. В связи с различиями в организации текстов в целях сопоставимости анализа данных, требующей единства в их характере и типе, от исследования в Facebook для данной статьи было решено отказаться. По аналогичной причине мы отказались и от исследования сети Instagram, специфика которой не предполагает сообществ — есть только индивидуальные страницы со своими подписчиками. Что касается «Одноклассников», большинство людей, имеющих там профиль, есть также и во «ВКонтакте», при этом традиционно данной сетью пользуются люди более старшего возраста, в то время как возрастная структура «ВКонтакте» более равномерна и разнообразна. В связи с этим мы решили на данном этапе отказаться от подробного анализа пабликов в «Одноклассниках»¹⁸.

После того как мы отобрали два крупнейших паблика во «ВКонтакте», связанные с ковид-диссидентством («Ты и есть сопротивление» и QAnon), с помощью парсинг-сервиса¹⁹ из них были выгружены все данные (посты и комментарии отдельно) за пять периодов, соответствовавших этапам развития пандемии в России:

- 1) 01.01.2020—15.03.2020,
- 2) 16.03.2020—31.05.2020,

¹⁵ Подробнее см. URL: https://vk.com/qanon_ru (дата обращения: 21.09.2021).

¹⁶ Facebook ввел ограничения для страниц акций протестов из-за коронавируса // Ведомости. 2020. 21 апреля. URL: <https://www.vedomosti.ru/media/news/2020/04/21/828542-facebook> (дата обращения: 21.09.2021).

¹⁷ Подробнее см. URL: <https://www.facebook.com/groups/fakepandemia/> (дата обращения: 21.09.2021).

¹⁸ Мы скачали много текстов оттуда с помощью аналогичной методики, но предварительный качественный анализ показал, что эти тексты не привносят в данные ничего содержательно нового.

¹⁹ Подробнее см. URL: <https://vk.barkov.net/> (дата обращения: 21.09.2021).

- 3) 01.06.2020—15.09.2020,
- 4) 16.09.2020—01.12.2020,
- 5) 2.12.2020—15.01.2021.

Реплики были отсортированы по количеству лайков. Наиболее популярные посты и комментарии (первая треть) в каждом из периодов, а значит, наиболее поддерживаемые сообществом, были предобработаны и затем кодировались в программе ATLAS.ti.

Количественное описание данных

Процесс выявления кодов и кодирования происходил вручную, чтобы не упустить темы, которые могли появляться в разные моменты времени. Было выявлено около 62 тематических кодов, число которых впоследствии было сокращено до 42 путем обобщения и соединения содержательно близких кодов.

Мы определили, что выделяется несколько наиболее обсуждаемых тем, связанных с коронавирусом, а именно: вакцина (445 упоминаний), маска (395 упоминаний), дети (237 упоминаний), врачи (185 упоминаний). В этих темах представлены общие коллективные нарративы, выражены характерные для участников позиции (например, «вакцина — это чипирование») и лексикон (маска — намордник).

Для количественного анализа была использована библиотека NLTK (Natural Language Toolkit) для Python. Все комментарии и посты были разделены на слова-компоненты, приведены к единой словарной форме с помощью лемматизации и далее очищены от нерелевантных слов, таких как междометия и союзы. Для оценки количества релевантных слов для каждого периода по отношению ко всему корпусу текстов использовалась статистическая мера TF-IDF (term frequency — inverse document frequency).

Среди наиболее часто встречающихся слов оказались такие, которые можно непосредственно связать с теорией социальной контракта, например, «конституция», «человек», «право», «договор».

Контент-анализ показал, что тематически отрицание COVID-19 связано с недоверием к власти. Люди, потерявшие в свое время доверие к государственным институтам, встретили новую для себя социально-историческую ситуацию, в которой государство должно играть главную роль, вводя ограничительные меры для минимизации угрозы безопасности населения, без готовности доверять государству.

Качественный анализ данных

Отобранные развернутые комментарии активных участников пабликов подлежали процедуре, уплотняющей смысл кодировки. На этапе качественного анализа были выделены наиболее часто используемые 1) обосновывающие суждения и аргументы, которые составили репертуар мотивированных рассуждений, 2) наиболее распространенный троп эмоциональной согласованности, аккумулирующий набор эмоций, мотивирующих к отрицанию COVID-19, отказу от вакцины, ношения масок и т. д.

Пример кодирования

Таблица 1. Пример тематического анализа избранных цитат с целью выявления мотивированных суждений и их эмоциональной согласованности

Первичный комментарий	Тезис и развитие рассуждения с аргументами и отсылками, эмоци	Смысловой код
<p>Коронавируса нет. Есть те же ОРВИ, пневмония и прочие болезни, которые выдают за коронавирус с тем, чтобы инфицировать вирусом с помощью вакцины.</p>	<p>Тезис отрицания (коронавируса нет). Тезис утверждения (есть другие известные болезни). Мотивированное суждение (их выдает кто-то — обнаружение злонамеренности с мотивом инфицирования). Эмоциональная согласованность — в сопротивлении коллективной тревоге и разоблачении тайного врага.</p>	<p>Происки внешнего врага, его разоблачение.</p>
<p>Согласен и понимаю, что это искусственный вирус, созданный руками человека. И понимаю, что его внедри в действие, а виновники этого до сих пор не наказаны, даже про это и речь не ведется.</p>	<p>Тезис разделенного мнения и позиции рукотворности вируса (согласен и понимаю). Мотивированное суждение (кто-то внедрил — обнаружение злонамеренности действия и ожидания возмездия (до сих пор не наказан)). Эмоциональная согласованность — в негодовании от разоблачения тайного врага и запаздывания возмездия.</p>	<p>Идентификация внешнего злонамеренного воздействия, его разоблачение и запаздывающее возмездие.</p>
<p>Никакого отношения маски к вирусам на имеют [...]. Люди выбирают верить в выдумку, не видя реальности, и соглашаются задыхаться [...]. Это и есть биомасса, с которой потом можно делать что угодно и довести до любого вмешательства и изменения. С точки зрения реальности это выглядит как добровольное согласие с лишениями и изменениями, ситуация с вирусом — только манипуляция и выдуманная идея, что не имеет отношения к реальности.</p>	<p>Тезис отсутствия эффекта ношения масок. Мотивированное суждение (люди верят в выдумку). Выводное суждение № 1 (люди — биомасса, с которой можно делать, что угодно). Выводное суждение № 2 (биомасса <...> дает добровольное согласие с манипуляциями). Эмоциональная согласованность — разделение на биомассу и превосходящих ее мыслящих людей.</p>	<p>Вирус — манипуляция биомассой, в ее отношении оправданная.</p>

В результате кодировочной обработки был выявлен следующий репертуар мотивированных рассуждений:

- обнаружение злонамеренности с мотивом инфицирования,
- ожидание возмездия,
- вирус — манипуляция биомассой,
- вакцинирование как развращение,
- тайный враг и его разоблачение,

- вирус создан для людей-«баранов», для сокращения населения,
- медицинская система ненадежна и убийственна, заболеваниям подвержены психически выбраковываемые,
- эпидемия усугублена, если не создана социальными мерами изоляции, меры по сопротивлению эпидемии — причина заболевания,
- ухудшение качества людей, ослабление и сокращение человечества, обнаруживающие чьи-то интересы и цели, порабощение слабых, глупых, верящих в вакцины,
- обнаружение злонамеренного воздействия находящихся у власти групп лиц,
- телесность как творение бога не нуждается в интервенциях,
- злонамеренность и недобросовестность создателей вакцин,
- обнаружение связи ВОЗ со злонамеренными силами, включенность в заговор по сокращению человечества,
- намеренное умерщвление всех с помощью вакцин,
- намеренное причинение вреда, утверждение об экспериментах над людьми,
- неверие в возможность создания вакцины от мутирующего вируса в принципе,
- ограничение прав людей с помощью прививок,
- ограничение возможностей по удовлетворению базовых потребностей (получения дохода) людей с помощью прививок и документов о них,
- обладание истинными знаниями о здоровье и моральное и интеллектуальное превосходство над незнающими, над «стадом»,
- сопротивление порабощению, утверждение силы и превосходства сопротивляющихся,
- согласие большинства со злонамеренными стремлениями уничтожить людей,
- цифровая злонамеренность (порабощение человечества),
- недоверие институтам и экспертам,
- разоблачение тайного механизма вредного воздействия маски.

В целом рассуждения мотивированы угрозами злонамеренных сил ослабить/уничтожить часть населения, поработить с помощью вакцин, цифровизации, изоляции / карантинных мер. Себе авторы приписывают знание/понимание тайных пружин/механизмов, тайным силам — поработительные намерения, основному населению — слабость сопротивления, недалекость, в результате само население объявляется виноватым в распространении «порабощающих» мер. Обоснования и риторические ресурсы, к которым обращаются исследуемые, включают институциональные, моральные, религиозные, правозащитные, демографические, информационно-цифровые и квазимедицинские.

Троп эмоциональной согласованности:

- сопротивление коллективной тревоге и разоблачение тайного врага,
- возмездие врагу,
- разделение на биомассу и превосходящих ее мыслящих людей,
- обращение к религиозной риторике (сатанисты, разврат) и страху погружения во грех,
- отсутствие сочувствия к жертвам «барановируса»,
- стремление убедить читателей в альтернативно-медицинских версиях причин заболеваний (превосходство «понимающих»),

- «проповедь» правильных альтернативных способов борьбы за здоровье,
- нормализация телесной суверенности и ее защиты,
- осуждение конкуренции с богом,
- разоблачение принадлежности авторитетных организаций к тайным злонамеренным силам,
- чувство возмущения обязательностью ковид-ограничений за счет сравнения с опытом фашизма,
- подозрительность и недоверчивость, страх массовой смерти от чьих-то манипуляций,
- нагнетание угроз поражения в правах,
- страх изменения человеческой природы,
- чувство социального унижения и порабощения,
- опасение перед агрессивностью «масочников»,
- чувство оправданного сопротивления внешнему давлению,
- страх перед цифровизацией,
- страх перед коррупцией и «оболваниванием».

В целом эмоциональная согласованность достигается за счет фигуры тайного врага, его разоблачения и обещания грядущего возмездия. Мобилизирующие эмоции для эмоциональной согласованности — тревога, страх, угроза, унижение, недоверие/подозрительность, возмущение, сдержанная агрессия.

Инструментами цифрового порабощения, в контексте которого участники интерпретируют происходящее, становятся как раз меры политики, к сопротивлению которым авторы постов и комментариев активно призывают — самоизоляция, ношение масок и вакцинация.

Утверждается, что госпитализация и ИВЛ не лечат, а убивают, заболеть может только принадлежащий системе «слабый» человек, а «сильный» лечит себя своим самосознанием, не прибегая ни к какому медицинскому воздействию:

Вряд ли кто-то из понимающих людей пойдет на госпитализацию и тем более на ИВЛ, который убивает. Никто из разумных и здоровых не может заболеть до такой степени. Болеют только системные, слабые психически, которые запуганы и пребывают в этой атмосфере страха и паники. (мини-текст № 1)²⁰

Локдаун объявляется не препятствием для распространения вирусов, а способом их усиления, подчинения жизни вирусу. Атмосфера страха создается для причинения вреда людям, поскольку именно страхи, а не вирус, причина болезни:

Локдаун многократно усиливает любой даже самый слабый вирус до эпидемии и работает на него. Здесь даже сам вирус не нужен. Всей этой атмосферой страха можно создать болезнь. (мини-текст № 2)

Отношение к вакцинированию от COVID-19 наложилось на уже существовавшие настроения — заметная часть участников стремится никогда ни от чего не вакци-

²⁰ Цитаты приводятся в редакции авторов постов/комментариев.

нироваться и не прививать своих детей, считая, что вакцины вредны, они внедряют неизвестные субстанции в организм, чтобы сделать людей слабее и послушнее:

После любых подобных препаратов иммунитет у детей ломается, и они начинают болеть тяжелее, дольше и с осложнениями. Человек все еще пытается переплюнуть Бога в его Творении нашего тела, как универсальной системы, в том числе иммунитета. (мини-текст № 3)

Нормальный и адекватный человек не позволит какой-то тете вколоть себе бурду. Вообще, позволить кому-то вколоть себе что-либо, не имея представления о составе инъекции — это самоубийство. (мини-текст №)

Прививающиеся объявляются участниками «фашистского» эксперимента на людях:

...Для этого и нужна повторная вакцина, через определенное время...) Мутации при этом еще не учитывали, наверное, это летальные исходы... Как вы думаете, почему гробы закрытые? Они пустые. Кто вам позволит лабораторный объект захоронить. Его что, опять выкапывать. Много тут сложностей. (мини-текст № 5)

Согласие надеть маску интерпретируется как знак рабства и несвободы, введенный злонамеренными силами для порабощения, чтобы отделить «готовых слушаться», «стадо» от «свободных», чтобы первых поработить, а вторых постепенно уничтожить:

На прививку побежишь, как только барин распорядится. Один раз прогнулся, позволил на себя намордник надеть, все, на этом личность закончилась. (мини-текст № 6)

О недоверии властям и ученым участники дискуссий говорят прямо:

За вакцину знаю, что еще не прошло времени для клинических испытаний. Так что это всего лишь фейк и побольше бабла срубить нашим чинушам. (мини-текст № 7)

Данным конкретным ученым веры нет. Это не ученые-романтики, грезящие о полетах к звездам. Это чистойшей воды баблорубы, причем очень циничные и вовсе не человечные. (мини-текст № 8)

В целом мотивированные рассуждения, эмоционально согласованные благодаря близким чувствам подозрительности, недоверия, страха, можно рассматривать как ресентимент, разочарование вследствие пересмотра советского общественного договора в направлении, невыгодном для большинства населения.

Заключение и дискуссия

Мы пошагово сформировали объект анализа — выборку мотивированных суждений в социальных сетях — и провели качественный анализ сетевого ковид-дисидентства. Изучаемые сообщества уже с самого начала пандемии были готовы

встретить новости о ней и реагировать на них в соответствии со своими взглядами на происходящие события. Для участников оказалось характерным восприятие распространения коронавируса в духе отрицания, сопротивления и борьбы, рационализации страхов. Такое отношение к происходящему свойственно не только им, но квинтэссенция негативизма в их сообществах наиболее велика, что показал количественный подсчет частоты различных связанных с коронавирусом слов и выражений, выполненный нами.

Примененный концептуальный инструмент мотивированного рассуждения обнаружил репертуар обоснований, используемых ковид-диссидентами для презентации своих взглядов. В ядре этого репертуара — угрозы злонамеренных сил по ослаблению/уничтожению/порабощению части населения с помощью вакцин, цифровизации, карантинных мер. Себе ковид-диссиденты приписывают моральное и интеллектуальное превосходство на основе понимания тайных механизмов «мировой закулисы», тайным силам — злонамеренность, основному населению — статус биомассы, чья слабость к сопротивлению и недалекость приведут к вырождению. Риторические ресурсы обоснований включают институциональные, моральные, религиозные, правозащитные, демографические, информационно-цифровые, и квазимедицинские аргументы. Эмоциональная согласованность, как обнаружено, достигается за счет использования фигуры тайного врага с мобилизующими эмоциями тревоги, страха, угроз, унижения, недоверия, возмущения и сдержанной агрессии.

Если посмотреть на полученные данные несколько шире, в рамках теории социальной контрактации на основе нашего исследования можно сделать вывод, что нынешний общественный договор принимается населением скорее вынужденно и не воспринимается как полностью справедливый. Поэтому и государство, и граждане осознают существенную степень необязательности его требований и не ожидают от противоположной стороны стопроцентного сотрудничества. Часто происходит скорее имитация выполнения правил как государством, так и гражданами. Общее понимание таково, что государство не мешает людям жить так, как у них получается, а люди не ждут от государства чрезмерной заботы. Нарастание строгости принятия мер со стороны правоохранительных органов к отдельным акторам воспринимается как модификация этой системы, поскольку меры касаются не всех, большинство может продолжать жить так, как привыкло. А вот нынешние эпидемиологические меры предполагают настоящее участие всех, а не его имитацию, и именно поэтому вызывают отторжение у значительной части населения, поскольку такого, с их точки зрения, современный российский социальный контракт не предполагает.

Исследование показало, что негативное отношение к мерам государственного противодействия пандемии и отрицание существования COVID-19 или его опасности, насколько можно судить по наиболее массовым пабликам в социальных сетях, в российском контексте связано с устойчивой позицией недоверия социальным институтам, базирующейся на ощущениях несправедливости существующего социального контракта по отношению к «простым людям». Вследствие эмоциональной согласованности рассуждений авторов комментариев в пабликах эти представления опираются, среди прочего, на конспирологические теории. В резуль-

тате сама болезнь, ее опасность, самоизоляция, масочный режим и вакцинация встраиваются во внутренне непротиворечивый логический ряд и воспринимаются как отдельные злонамеренные шаги, нацеленные на то, чтобы причинить людям вред. То, что вряд ли власти заинтересованы в том, чтобы настолько изощренными способами сокращать жизнеспособность населения, не кажется комментаторам странным после истории 1990-х годов, когда, как многим кажется, забота государства о людях закончилась (как показано у [Рогов, 2005]). Комментаторы не призывают к решительным активным действиям в этой связи, но пассивное сопротивление и отсутствие сотрудничества с институтами кажется им верным решением — поскольку с ними договор «не соблюдается», они со своей стороны тоже его соблюдать не должны (классики теории социальной контракции также подчеркивали ее обоюдность, двусторонний характер договора отмечен у [Ролз, 1995; Дворкин, 2005; Бьюкенен, 1997]).

Тот факт, что отказ от ношения масок и вакцинации может повредить им самим, ускользает от внимания участников дискуссий или же вызывает наиболее эмоционально окрашенное отрицание: в этой парадигме то, что с научной точки зрения наиболее полезно, объявляется наиболее вредным. Мы имеем случай успокоения конспирологией в ситуации недоверия [Bertin, Nera, Delouvé, 2020] и построения логичных эмоционально согласованных рациональных рассуждений [Thagard, 2018, 2019, 2021; Нестик и др., 2020].

Разумеется, выстраиваемые ковид-диссидентами теории достаточно противоречивы логически, например, отрицая все цифровое, они, похоже, не осознают, что встречаются друг с другом в цифровом поле. У них есть потенциал только для индивидуальных действий — сопротивление ношению масок в магазинах, вакцинации. Общение в сети помогает им обрести эмоциональную разрядку с помощью конспирологии, и только. К сожалению, сумма индивидуальных действий (отказа от масок и вакцинации) в данном случае может оказаться массовой и иметь последствия для общества в целом.

Наши дальнейшие исследования могут развиваться в направлении изучения других социальных сетей, поскольку некоторым ограничением нашей работы можно все же считать то, что здесь представлена только сеть «ВКонтакте», имеющая свою уникальную аудиторию. Также можно исследовать другие тематики в рамках выполненного кодирования для более подробного и всестороннего выявления связей между разными тематическими направлениями в рамках нашей большой темы.

Список литературы (References)

Богомыягова Е. С., Попова Е. Е. «Усталость сострадать» в практиках медиапотребления (на примере отношения к проблематизации распространения COVID-19) // Социологические исследования. 2021. № 6. С. 46—56. <https://doi.org/10.31857/S013216250012269-8>.

Bogomyagkova E. S., Popova E. E. (2021) “Compassion Fatigue” in Media Consumption Practices (Exemplified by Attitudes toward the Problematization of the COVID-19 Spread). *Sociological Studies*. No. 6. P. 46—56. <https://doi.org/10.31857/S013216250012269-8>. (In Russ.)

Бьюкенен Дж. М. Конституция экономической политики. Расчет согласия // Дж. Бьюкенен, Г. Таллок. Границы свободы. М.: Тaurus Альфа, 1997. Т. 1.

Buchanan J. M. (1997) The Constitution of Economic Policy. The Calculus of Consent. In: Buchanan J. M., Tullok G. (eds.) *The Limits of Liberty*. Vol. 1. Moscow: Taurus Alfa Publ. (In Russ.)

Гудков Л. Идеологема «врага». «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М.: ОГИ, 2005. С. 7—79.

Gudkov L. (2005) The Ideologeme of the Enemy. “Enemies” as a Mass Syndrome and Mechanism of Sociocultural Integration. In: Gudkov L., Konradova N. (eds.) *Enemy image*. Moscow: OGI Publ. P. 7—79. (In Russ.)

Дворкин Р. О правах всерьез / пер. с англ.; ред. Л. Б. Макеева. М.: РОССПЭН, 2005. Dvorkin R. O. (2005) About Rights in Earnest. Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russ.)

Кирзюк А. А. «У меня нет страха»: ковид-диссиденты в поисках агентности и правды // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 484—509. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1776>. Kirzyuk A. A. (2021) “I Have No Fear”: Covid-Dissidents in Search of Agency and Truth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 484—509. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1776>. (In Russ.)

Нестик Т. А., Дейнека О. С., Максименко А. А. Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 и вовлеченность в сетевые коммуникации // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 4. С. 87—104. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110407>.

Nestik T. A., Dejneka O. S., Maksimenko A. A. (2020) Socio-Psychological Background of Belief in COVID-19 Conspiracy Theories of Origin and Involvement in Online Communications. *Social Psychology and Society*. Vol.11. No. 4. P. 87—104. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110407>. (In Russ.)

Рогов С. М. Функции современного государства: вызовы для России // Свободная мысль. 2005. № 7. С. 56—68.

Rogov S. M. (2020) The Functions of the Modern State: Challenges for Russia. *Independent Thought*. No. 7 P. 50—63. (In Russ.)

Ролз Дж. (1995) Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та.

Rawls J. (1995) The Theory of Justice. Novosibirsk: Novosibirsk Publishing House. University. (In Russ.)

Тартаковская И. Н. Доверие перед лицом пандемии: в поисках точки опоры // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 2. С. 68—89. <https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.2.8087>.

Tartakovskaya I. N. (2021) Trust in the Face of a Pandemic: In Search of a Point of Entitlement. *Sociological Journal*. No. 2. P. 68—89. <https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.2.8087>. (In Russ.)

Bertin P., Nera K., Delouvé S. (2020) Conspiracy Beliefs, Rejection of Vaccination, and Support for Hydroxychloroquine: A Conceptual Replication-Extension in the COVID-19 Pandemic Context. *Frontiers in Psychology*. 18 September. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.565128>.

Casero-Ripolles A. (2020) Impact of COVID-19 on the Media System. Communicative and Democratic Consequences of News Consumption During the Outbreak. *Profesional De La Informacion*. Vol. 29. No. 2. <https://doi.org/10.3145/epi.2020.mar.23>.

Cinelli M., Quattrociocchi W., Galeazzi A., Valensise C. M., Brugnoli E., Schmidt A. L., Zola P., Zollo F., Scala A. (2020) The COVID-19 Social Media Infodemic. *Scientific Reports*. Vol. 10. No. 1. P. 16598. <https://doi.org/10.1038/s41598-020-73510-5>.

Cooke N. A. (2017) Post-truth, Truthiness, and Alternative Facts: Information Behavior and Critical Information Consumption for a New Age. *The Library Quarterly*. Vol. 87. No. 3. P. 211—221. <https://doi.org/10.1086/692298>.

Depoux A., Martin S., Karafillakis E., Preet R., Wilder-Smith A., Larson H. (2020) The Pandemic of Social Media Panic Travels Faster than the COVID-19 Outbreak. *Journal of Travel Medicine*. Vol. 27. No. 3. <https://doi.org/10.1093/jtm/taaa031>.

Fallis D. (2015) What is Disinformation? *Library Trends*. Vol. 63. No. 3. P. 401—426. <https://doi.org/10.1353/lib.2015.0014>.

Fetzer J. H. (2004) Disinformation: The Use of False Information. *Minds and Machines*. Vol. 14. No. 2. P. 231—240. <https://doi.org/10.1023/B:MIND.0000021683.28604.5b>.

Flintham M., Karner C., Bachour K., Creswick H., Gupta N., Moran S. (2018) Falling for Fake News: Investigating the Consumption of News via Social Media. In: *Conference on Human Factors in Computing Systems — Proceedings*. April 1—10. New York, NY: Association for Computing Machinery.

Floridi L. (2010) *Information: A Very Short Introduction*. Oxford; New York, NY: Oxford University Press.

Geeng C., Yee S., Roesner F. (2020) Fake News on Facebook and Twitter: Investigating How People (Don't) Investigate. In: *Conference on Human Factors in Computing Systems — Proceedings*. April 1—14. New York, NY: Association for Computing Machinery.

Kouzy R., Abi Jaoude J., Kraitem A., El Alam M. B., Karam B., Adib E., Zakra J., Traboulsi C., Akl E. W., Baddour K. (2020). Coronavirus Goes Viral: Quantifying the COVID-19 Misinformation Epidemic on Twitter. *Cureus*. Vol. 12. No. 3. e7255. <https://doi.org/10.7759/cureus.7255>.

Kunda Z. (2000) *Social Cognition: Making Sense of People*. Cambridge, MA: MIT Press.

Laato S., Islam A. K. M. N., Islam M. N., Whelan E. (2020) What Drives Unverified Information Sharing and Cyberchondria during the COVID-19 Pandemic? *European Journal of Information Systems*. Vol. 29. No. 3. P. 288—305. <https://doi.org/10.1080/0960085X.2020.1770632>.

Mian A., Khan S. (2020) Coronavirus: The Spread of Misinformation. *BMC Medicine*. Vol. 18. Art. No. 89. <https://doi.org/10.1186/s12916-020-01556-3>.

Nisbett R. E. (2016) *Mindware: Tools for Smart Thinking*. New York, NY: Farrar, Straus, and Giroux.

Oreskes N., Conway E. M. (2011) *Merchants of Doubt: How a Handful of Scientists Obscured the Truth on Issues from Tobacco Smoke to Global Warming*. New York, NY: Bloomsbury.

Pennycook G., Cheyne J. A., Seli P., Koehler D. J., Fugelsang J. A. (2012). Analytic Cognitive Style Predicts Religious and Paranormal Belief. *Cognition*. Vol. 123. No. 3. P. 335—346. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2012.03.003>.

Pennycook G., Fugelsang J. A., Koehler D. J. (2015). Everyday Consequences of Analytic Thinking. *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 24. No. 6. P. 425—432. <https://doi.org/10.1177/0963721415604610>.

Pennycook G., McPhetres J., Zhang Y., Lu J. G., Rand D. G. (2020) Fighting COVID-19. Misinformation on Social Media: Experimental Evidence for a Scalable Accuracy-Nudge Intervention. *Psychological Science*. Vol. 31. No. 7. P. 770—780. <https://doi.org/10.1177/0956797620939054>.

Quandt T., Frischlich L., Boberg S., Schatto-Eckrodt T. (2019) Fake News. In: Vos T. P., Hanusch F., Dimitrakopoulou D., Geertsema-Sligh M., Sehl A. (eds.) *The International Encyclopedia of Journalism Studies*. New York, NY: Wiley. P. 1—6. <https://doi.org/10.1002/9781118841570.iejso128>.

Rizeq J., Flora D. B., Toplak M. E. (2020) An Examination of the Underlying Dimensional Structure of Three Domains of Contaminated Mindware: Paranormal Beliefs, Conspiracy Beliefs, and Anti-Science Attitudes. *Thinking & Reasoning*. Vol. 27. No. 2. P. 1—25. <https://doi.org/10.1080/13546783.2020.1759688>.

Rovetta A., Bhagavathula A. S. (2020) COVID-19-Related Web Search Behaviors and Infodemic Attitudes in Italy: Infodemiological Study. *JMIR Public Health and Surveillance*. Vol. 6. No. 2. e19374. <https://doi.org/doi:10.2196/19374>.

Solís Arce J. S., Warren, [...] Omer S. B. (2021) COVID-19 Vaccine Acceptance and Hesitancy in Low- and Middle-Income Countries. *Nature Medicine*. Vol. 27. P. 1385—1394. <https://doi.org/10.1038/s41591-021-01454-y>.

Teovanović P., Lukić P., Zupan Z., Lazić A., Ninković M., Žeželj I. (2020) Irrational Beliefs Differentially Predict Adherence to Guidelines and Pseudoscientific Practices during the COVID-19 Pandemic. *Applied Cognitive Psychology*. Vol. 35. No. 2. P. 486—496. <https://doi.org/10.1002/acp.3770>.

Thagard P. (2021) The Cognitive Science of COVID-19: Acceptance, Denial, and Belief Change. *Methods*. March 18. <https://doi.org/10.1016/j.ymeth.2021.03.009>.

Thagard P. (2019) *Mind-Society: From Brains to Social Sciences and Professions*. New York, NY: Oxford University Press.

Thagard P. (2018) Social Equality: Cognitive Modeling based on Emotional Coherence Explains Attitude Change. *Policy Insights from Behavioral Brain Sciences*. Vol. 5. No. 2. P. 247—256. <https://doi.org/10.1177/2372732218782995>.

Treen K. M. d'I., Williams H. T. P., O'Neill S. J. (2020) Online Misinformation about Climate Change. *WIREs Climate Change*. Vol. 11. No. 5. e665. <https://doi.org/10.1002/wcc.665>.

Zarocostas J. (2020) How to Fight an Infodemic. *The Lancet*. Vol. 395. No. 10225. P. 676. [https://doi.org/10.1016/s0140-6736\(20\)30461-x](https://doi.org/10.1016/s0140-6736(20)30461-x).